

ЭСКАНДЕР АНИСИМОВ

ЭКСПЕРИМЕНТАТОР

Он любил бриться в одиночестве. Бритье было делом интимным, никто не должен был наблюдать за этим. Аккуратно, движение за движением он убирал щетину с лица. Он брился на три раза – сначала против роста волос, затем по нему и потом лишь слева направо. Обычно при этом голову не посещали какие-нибудь мысли, но в этот раз он поймал себя на том, что думает о прошлом.

- Когда-нибудь думала о том, чтобы ты исправила в жизни? – спросил он, смотря в зеркало
- В ответ, сзади раздалось мычание, постепенно нарастающее и грозящее перейти в крик, если бы не скотч у неё на лице.
- Наверно думала – чуть подумав, сказал он. – Я вот тоже сейчас подумал о том, чтобы мне хотелось поменять. Тебе интересно, что именно?
- Мммм... - вновь раздалось в ответ.
- Я так и думал – улыбнувшись, произнес он. – Я бы никогда не поехал к тетушке. У меня была ужасная тетка, к которой меня возили на летние каникулы. Даже когда мне исполнилось 17 лет, мать настояла на том, чтобы я съездил к ней. Вот именно эту поездку я бы и хотел убрать из своей жизни. Как знать, если бы не эта поездка, быть может, ты бы не оказалась здесь.

Он закончил бриться, закрыл воду и вновь посмотрел на себя в зеркало.

- Мда! Определенно бы не оказалась!

Он насухо вытер бритву о полотенце, висевшее рядом с раковиной, и, не спеша подошел к ней. Повязка на глазах мешала ей видеть, но она инстинктивно почувствовала, что он рядом.

- Быть может, мы даже встретились бы с тобой и неплохо провели время – продолжил он свою мысль.

Его рука мягко коснулась её волос, соскользнула вниз, задев повязку, и стала плавно опускаться вниз по телу.

- А может быть, и не провели... - добавил он, поднося бритву к её лицу.

- А как её звали, вы помните? – спросила тюремный психиатр.

Он в ответ лишь усмехнулся и, попросив закурить, откинулся на спинку стула.

- Я не знаю их имен, док – произнес он. – Я знакомился с ними не для того чтобы узнать имя.
- А для чего же? Для того чтобы убить? – перебила его психиатр.
- Да – ответил он. – Чтобы, как вы говорите, убить.
- Вы, видимо, не считаете убийством то, что совершили?

Он улыбнулся той загадочной, но привлекательной для его жертв улыбкой.

- То же я объяснял следователю – сказал он. – Убийство совершается исходя из мотива. А у меня нет мотива.
- С какой же целью вы их убивали?
- Это долго объяснять, док!
- Я никуда не тороплюсь. А у вас столько времени, что его с лихвой хватит на десяток подобных объяснений.

Он потушил окурок в пепельнице и внимательно оглядел психиатра с ног до головы.

А ведь она меня не боится. Нет того страха, который был у остальных. Хотя, быть может дело в охране и в том, что на мне наручники. Интересно, они очень удивятся, если узнают, что я могу открыть наручники без ключа?

- Ну, так, что? – вопрос психиатра прервал его размышления.

Интересно было бы пообщаться с ней вне этого здания.

– Хорошо, док. Я расскажу вам свою историю.

Все началось с летней поездки к тетушке. Я не хотел ехать, но мать настояла на обратном, и теперь я трясся по дорожным ямам, в развалине-автобусе насквозь провонявшим бензином и чем-то похожим на ослиную мочу. Быть может мексиканцы со своими животными, на этом автобусе действительно пересекали границу – черт его знает. Но воняло с такой силой, что меня выворачивало наизнанку. Наконец, после полуторачасовой тряски я оказался на свежем воздухе. От остановки до дома тетушки надо было пройти три квартала. Три квартала отделяли меня от этой сумасшедшей старухи. Эта карга была сестрой отца – единственное доказательство его существования на этой планете, не считая меня. Она сошла с ума, узнав, что он повесился в придорожном мотеле (или, быть, может, его повесили за карточные долги?). Получив известие о смерти отца, тетушка впала в депрессию, прерываемую длительными запоями. Лишь моё рождение вывело её из состояния постоянного похмелья и головных болей от мигреней. Во мне она наверняка видела своего брата, она иногда даже (якобы по ошибке) называла меня его именем. После моего появления на свет, тетушка сменила своё корыто (место постоянных попок и кокаиновых вечеринок) на довольно приличный домик за городом, стала ходить в церковь и жертвовать беднякам старую одежду. Но меня не проведешь – я знал, что она по-прежнему сумасшедшая алкашка и лишь воля матери побуждала меня приезжать к ней на каникулы.

Тетушка встретила меня у порога, заключила меня в объятья, и тискала как маленького. Хотелось вырваться и убежать от этой, пропахшей старостью, женщины.

В доме тетушки было до противного чисто – вымытый пол, постиранные занавески, отмытые до бела кружки и тарелки. От этой чистоты просто тошнило! Каждый раз, когда я приезжал к ней, на столе появлялось мерзкое зеленое желе. За то время, что я проводил у тетушки, два раза в день она кормила меня этим желе, будь оно не ладно. От него у меня начиналось расстройство желудка, и я весь вечер, вместо игр на улице и просмотра телевизора, проводил на унитазе. Я мог бы сказать, что мне это желе осточертело, но «тетушка могла обидеться, ведь она старалась». Так говорила мать, когда я рассказывал её про «веселые» вечера в компании фарфорового друга.

И в этот раз, стоило мне переступить порог дома, как со стола мне приветливо улыбалась зеленая масса желатина, разбавленная водой и сахаром. Пока я запихивал в себя эту гадость, тетушка бегала вокруг и расспрашивала меня про домашние дела. Вопросы эти повторялись из года в год: не нашел ли я подружку? как дела в школе? не появился ли у матери жених?

Тетушка не успокаивалась, даже когда я ложился спать. Она постоянно забегала ко мне в комнату и спрашивала, удобно ли мне на кровати, не подоткнуть ли мне одеяло, оставить ли свет и так далее. Засыпая в этом дурдоме, я просыпался утром лишь для того, чтобы вновь в него вернуться.

Прошло три дня моего пребывания в гостях. Вечер четвертого дня стал для меня днем, определившим всю мою дальнейшую судьбу...

Я сидел на унитазе, прощаясь с зеленым желе, а тетушка в своей комнате смотрела телевизор. Я полностью был погружен в процесс и мало что замечал вокруг (желе в этот день, почему то упорно

не хотело покидать мой желудок). В дверь позвонили, и я услышал, как тетушка пошла открывать. Раздался мужской голос: «Стой там, где стоишь, сука», крик тетушки, глухой удар, и наступила тишина. Я соскочил с унитаза и прямо так, со спущенными штанами, пошел смотреть, что произошло. Внизу, в гостиной, ходил какой-то хмырь с бейсбольной битой в руках. Я спрятался за перилами и, стараясь дышать потише, наблюдал за ним. Он был небольшого роста, но довольно широкий в плечах. На лысой голове была татуировка: крест с надписью «Я послал Бога в задницу». Именно эту татуировку я запомнил больше всего.

Он прошел по всем комнатам первого этажа, обыскал все ящики, но, видимо не нашел золотых россыпей и гор алмазов. Все сбережения тетушка хранила в банке. В банке из-под печенья, что стояла в сломанном духовом шкафу на кухне. Там лежало около тридцати тысяч долларов. Все то, что тетушка смогла скопить за свою беспокойную жизнь.

Радостный крик из кухни, и я понял, что хмырь нашел тетушкино «печенье». Но вслед за ним прозвучал мат, ибо с улицы раздалась звуки полицейской сирены. Хмырь выбежал из кухни и понесся к выходу. Последним, что я услышал, были звук падения, фраза «Ах ты срань господня» и хлопок двери. Я натянул штаны (знали бы вы, как они воняли!) и спустился вниз. Возле входной двери, в луже крови, с разбитой головой лежала тетушка. По-видимому, убегая, хмырь поскользнулся на тетушкиной крови и упал. Кровавый отпечаток ботинка шел от труп до порога.

Я стоял и смотрел на тело. Я не испытывал страха, хоть и видел мертвого человека в первый раз. Печали или жалости я тоже не испытывал, хотя передо мной лежала родная тетка. Странно, но мной овладело любопытство. Захотелось подойти поближе и рассмотреть труп. Я всегда задумывался, что происходит с человеком после смерти. В церкви, куда я ходил каждое воскресенье, мне говорили, что после смерти душа покидает тело человека и отправляется на небо. На уроке биологии мне говорили, что смерть это всего лишь прекращение жизнедеятельности организма. Я стоял возле трупа тетушки и думал, что мне представляется уникальный шанс проверить, что НА САМОМ ДЕЛЕ происходит после смерти. В дом ворвались полицейские, и началась неразбериха. А меня увезли в участок. Сначала меня осмотрел психолог, затем раз шесть допрашивал следователь, задавая одни и те же вопросы. После художник составил портрет преступника и меня отпустили домой. Но на этом мои приключения отнюдь не закончились. Хмыря поймали через два дня, и мне предстояло вновь встретиться с ним в суде.

До сих пор помню тот процесс. Я вошел в зал суда, сел за трибуну и дал клятву говорить правду, только правду и ничего кроме правды. Затем окружной прокурор стал засыпать меня вопросами, не давая толком обдумывать, то, что я говорил в ответ. Он был мастером своего дела. Прокурор выяснил за десять минут, то, что следователь выпутывал у меня на протяжении полутора часов. Да так, что у присяжных даже не могло возникнуть подозрения, что я что-то добавил или выдумал. Адвокат подсудимого только руками развел. Мои показания полностью сломали его механизм защиты. Я был козырным тузом в этой карточной игре.

Пока шли прения сторон, я внимательно рассматривал хмыря. Широко открытые глаза, тупая ухмылка на лице. Когда он ворвался в дом тетушки он был под кайфом. Да и сейчас, я решил, что он как-то сумел перед началом процесса глотнуть колесо.

Я смотрел на него и думал: Почему люди убивают друг друга? Какие причины толкают одного человека лишить жизни другого?

Хмырь получил пожизненное заключение. Когда его выводили из зала суда, он крикнул, что сожалеет о том, что сразу не поднялся наверх и не шлепнул маленького засранца. Его звали Боб Кин. Я запомнил его лицо. И его имя.

После того как этот дурдом завершился, жизнь, казалось, вернулась в нормальное русло. Я вновь ходил в школу, прогуливал уроки и жил как обычный подросток. Но это лишь снаружи я остался

прежним. Внутри же, я стал совершенно другим. Вопрос, что возник у меня на суде, с годами оттачивался и в конечном итоге звучал так: «Возможно ли, убить человека просто так, без мотива и, при этом, не попасться?» Я стал интересоваться уголовными делами, изучал преступления, смотрел, на чем попадались убийцы. После окончания школы я поступил на юридический факультет и параллельно учился на психолога. Помимо этого, самостоятельно изучал химию и криминалистику.

Я с удивлением обнаружил, что терзавший меня вопрос, нашел отражение в произведениях мировой литературы. В студенческой библиотеке я нашел роман русского писателя Достоевского «Преступление и наказание». Это история русского студента из-за денег убившего топором старуху. Но, несмотря на отлично описанный внутренний мир убийцы, ответа на мой вопрос в романе не было. Раскольников (так звали русского студента) попался.

Я посещал судебные процессы, на которых рассматривались дела об убийствах. Я внимательно следил за поведением обвиняемых, за их реакцией, искал в их взглядах причину, по которой они решились на убийство. Но результаты наблюдений совершенно меня не радовали. Все убийства совершались из-за банальных, бытовых причин: деньги, измена, сумасшествие. В конечном итоге, я пришел к выводу, что лучше попробовать самому, чем смотреть как это делали другие.

Используя связи в Министерстве Юстиции, я узнал, что хмыря, убившего тетушку, того самого Боба Кина, досрочно выпустили из тюрьмы и поместили в охраняемую больницу. Он не поделил что-то с тюремными авторитетами и те отделали его так, что он был прикован к инвалидному креслу и не мог разговаривать из-за сломанной челюсти. Именно на нем я и решил провести свой первый эксперимент. Не думайте, что я сделал это из чувства мести или по каким-то внутренним причинам. Я изучал психологию и знаю, что вы, психиатры, считаете, будто все поступки человека исходят из переживаний прошлого, детских травм и так далее, и тому подобное. Я сделал так только для того чтобы найти ответ на свой вопрос. Я провел строго научный эксперимент.

Не буду подробно говорить о том, как я это сделал. Но скажу, что когда этот говнюк меня увидел, то узнал моё лицо. Он вспомнил того «маленького засранца», которого не «шлепнул». Он мычал, его взгляд молил о пощаде, он весь трясся от страха.

Боб был первым. А за ним потянулись другие. Мой эксперимент набирал обороты. Вам, наверняка интересно, почему я не остановился на Бобе.

Эксперимент считается удачным, если его провели несколько раз. Потому я продолжил. Пять человек, десять, пятнадцать. Мой эксперимент близился к окончанию. Еще бы пару-тройку раз и я бы завершил его. Ещё бы пару-тройку раз...

Он потушил очередную сигарету и замолчал, давая понять, что закончил.

Она смотрит на меня с презрением, даже с отвращением. Да и черт с ней. Хотя это выражение её очень даже к лицу.

- Нельзя сказать, что ваша история до ужаса интересная – произнесла психиатр.

- Вы и не просили вас заинтересовать – ответил он. – Вам нужна была моя история, и я вам её рассказал.

Психиатр встала с места, взяла сигарету и, закулив, стала ходить из одного угла в другой. Наступило длительное молчание.

Она что нервничает? Но явно не из-за моего рассказа. Что же вывело её из себя?

- А почему вашими жертвами были только девушки? – наконец, спросила психиатр.

А вот в чем дело! Наш прекрасный доктор всего-навсего ярая защитница прав женщин по всей планете. Феминистка еще, небось.

- Все просто, док. С женщинами намного приятнее иметь дело. Вы намного выносливее мужчин. В первое время, я экспериментировал и на мужчинах, но потом бросил. Мужики слишком нервные. Стоит им намекнуть на то, что они могут лишиться жизни, как они начинают пускать слюни, сопли, мочиться под себя. В общем, грязное это дело. С женщинами намного интереснее. Они держатся до последнего. Иногда, конечно, бывают и слезы, и просьбы пощадить, но стоит отодвинуть момент смерти, как они всеми силами начинают цепляться за жизнь. Они пытаются освободиться, угрожают стереть тебя с лица земли, вырвать тебе яйца и засунуть их подальше. Бывают, конечно, и такие случаи среди мужчин, но это редкость. Вы наверняка думали, что у меня были проблемы с матерью и потому я сейчас вымещаю злобу на женщинах? Боюсь огорчить вас, но вы ошибаетесь. У меня была отличная мать, я безумно любил её. Она делала все, чтобы я стал нормальным человеком. Такая мать встречается одна на миллион.

Психиатр подошла к столу и пристально посмотрела ему в глаза. Всего несколько секунд. Но за эти несколько секунд она окончательно составила о нем мнение. И официальное, для отчета, и не официальное – для самой себя.

- Мы закончили – сказала она.- Отчет о нашей беседе я передам следователю, а оттуда отчет отправится в суд. Если вам больше нечего мне сказать, то давайте прощаться.

- Мне есть, что вам сказать – ответил он.

- Я вас слушаю.

- Но для этого я прошу, чтобы мы остались наедине.

Она с беспокойством оглянулась на охрану, а затем посмотрела на него. Впервые за время разговора в её глазах мелькнул страх. Тот самый страх, какой он и хотел увидеть.

- Ну же, док! Я в наручниках и ничего не смогу вам сделать. Мне нужно сообщить кое-что очень важное. Поверьте, без этой информации ваш отчет будет неполным.

Секунды на обдумывание и она попросила охрану выйти. Они остались одни.

- Ну, так, что это за важная информация, которую вы мне хотели сообщить?

В ответ, он спокойным движением снял с себя наручники и бросил их на стол. Она попятилась назад, сначала медленно, потом, сорвавшись, подбежала к двери и хотела звать на помощь, но посмотрев на него, остановилась.

Он размахнулся правой рукой и со всей силы врезал себе в челюсть. Раздался хруст и на мгновение, его сложило пополам.

- Не бойтесь, док – улыбаясь, произнес он. – Если бы я хотел сделать вас жертвой эксперимента, то давно бы осуществил задуманное. Слушайте внимательно, у меня мало времени. Можете записать то, что я скажу, можете просто запомнить. Это своего рода завещание, моё последнее слово.

Он прервался на миг, чтобы сплюнуть кровь на пол и затем продолжил.

- Я сказал вам, что мой эксперимент не завершен. Можете вычеркнуть эти слова из отчета, так как это вранье. Эксперимент закончен и лишь, поэтому я позволил себя поймать. Если бы я захотел продолжить, то полиция никогда бы меня не нашла. Каждый эксперимент был проведен с хирургической точностью. Надеюсь, что мой пример когда-нибудь попадет в учебники по криминалистике. В подвале дома, в котором меня задержали, в полу есть углубление. Там лежат все мои записи, планирование каждого эксперимента. Пусть следователи найдут их, чтобы в будущем

могли знать заранее поведение тех, кто решиться повторить мои подвиги. Я не хочу, чтобы мои эксперименты повторяли. Это уже будут убийства, убийства с мотивом и целью переплюнуть меня. А совершают их зачастую психи, место которым в газовой камере, или на электрическом стуле. Я ни сколько не раскаиваюсь в том, что сделал. Мне не перед кем просить прощения. Все участники эксперимента не имели близких родственников, не имели семей. Они специально были отобраны. Единственные, перед кем я в ответе за прожитую жизнь это Бог и я сам. Скоро я предстану перед судом, который намного выше земного. Ни вам судить меня. В зубе я зашил ампулу с ядом, на случай окончания эксперимента. Я сломал бы её в любом случае, даже если бы не находился под арестом.

Ну вот, вроде, все что хотел, сказал. Прощайте, док. Было приятно с вами пообщаться.

Он улыбнулся её своей загадочной улыбкой в последний раз и умер.

Его тело было похоронено на городском кладбище. Она единственная, кто пришла прощаться с ним.

В отчете, переданном в полицейский архив, не было ни слова, про записи в подвале дома. Спустя пару месяцев она ушла с работы и уехала из города.

Теперь она искала ответ на тот вопрос, что и он. Она стала новым экспериментатором...